

ИСТОРИЧЕСКОЕ СВѢДѢНІЕ
ВОЙСКА ДОНСКАГО
О ВЕРХНЕЙ КУРМОЯРСКОЙ СТАНИЦѢ,

СОСТАВЛЕННОЕ ИЗЪ СКАЗАНІЙ СТАРОЖИЛОВЪ И СОБСТВЕННЫХЪ ПРИМѢЧАНІЙ

Евѣлмпія Котельникова.

1818 г. Декабря 31 дня. ¹

1.

Происхожденіе Донскихъ Казаковъ.

Примѣчаніе Болтина на Леклерка, о происхожденіи Донскихъ Казаковъ, сходственное съ разсказами предковъ нашихъ, можно признать достовѣрнымъ. Дошедшая до насъ пѣсня ихъ о пожалованіи рѣки Дона Казакамъ такъ же изъясняетъ, что здѣсь жили Казаки-друзи—люди вольные, т. е., бездомовные, безженные.

«Какъ на славныхъ на степяхъ было на Саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались Казаки-друзи — люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый кругъ:
Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе;

¹ Описаніе это, знакомящее насъ со многими изъ жизни, нравовъ и обычаевъ нашихъ предковъ, печатается вполне, совершенно безъ всякихъ пропусковъ и измѣненій.

Атаманъ у нихъ Ермакъ сынъ Тимофѣевичъ,
 Есаулъ у нихъ Асташка сынъ Лаврентьевичъ.
 Они думали думушку все единую:
 «Ужъ какъ лѣто проходить, лѣто теплое,
 А зима-то, братцы, настаетъ холодная,
 Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ!
 На Яикъ намъ итить — да переходъ великъ,
 Да по Волгѣ ходить — намъ все ворами слытъ,
 Подъ Казань городъ итить — да тамъ самъ Царь стоитъ,
 Какъ грозноятъ, вѣтъ, Царь Иванъ Васильевичъ,
 У него тамъ, вѣтъ, силы много множество,
 Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
 А намъ, Казакамъ, быть переловленнымъ,
 Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсаженнымъ:
 Какъ не золотая трубушка вострубила,
 Не серебряная рѣчь громко возговоритъ,
 Рѣчь возговоритъ Ермакъ сынъ Тимофѣевичъ,
 Войсковой-то Донской нашъ Атаманушка:
 «Гой вы думайте, братцы, вы подумайте,
 И меня, Ермака, братцы, послушайте:
 Зазимуемъ мы, братцы, всѣ во Астраханѣ,
 Какъ во тѣхъ было палатахъ бѣлокаменныхъ,
 А зимою, братцы, поисправимся,
 Запасемся провіантомъ и оружіемъ;
 А какъ воскроется весна красная,
 Мы тогда-то, други, братцы, во походъ пойдемъ,
 Мы заслужимъ предъ грознымъ Царемъ вину свою:
 Какъ гуляли мы, братцы, по синему морю,
 Да по синему морю по Хвалынскому,
 Разбивали мы, братцы, босы ² корабли,
 Какъ и тѣ-то корабли, братцы, неорленные,
 Мы убили посланничка все Царскова,
 Какъ тово-то, вѣтъ, посланничка Персидскаго.»
 Какъ во славномъ было городѣ во Астраханѣ,

² Въ обшивовыхъ станицахъ поютъ бутырѣ корабли; но что значить босы, или бутырѣ, надобно дознать; нѣкоторые понимаютъ въ грамматическомъ смыслѣ босы босые, нагіе, не имѣвшіе Государственнаго знака.

На широкой было, на ровной площади,
Собирались Казаки-друзи во единый кругъ,
Они думали думу крѣпкую,
Да и крѣпкую думушку единую:
«Какъ зима-то проходить все холодная,
Какъ и лѣто настаетъ, братцы, лѣто теплое,
Да пора ужъ намъ, братцы, во походъ итить.»
Рѣчь возговоритъ Ермакъ сынъ Тимофѣевичъ:
«Ой вы, гой еси, братцы, Атаманы молодцы!
Эй, вы дѣлайте лодочки коломенки,
Забывайте вы кочеты еловые,
Накладайте багаички сосновыя;
Мы пригрянемте, братцы, съ Божью помощью,
Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
Перейдемте мы, братцы, до царства басурманскаго,
Завоюемъ мы царство Сибирское,
Покоримъ его мы, братцы, Царю Бѣлому,
А Царя-то Кучума во полонъ возьмемъ,
И за то-то Государь Царь насъ пожалуетъ,
Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлому Царю,
Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возму кунью шапочку подъ мышечку,
Принесу я Царю Бѣлому повинную.
Ой ты, гой еси, надежа-Православный Царь,
Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить!
Какъ и я-то Ермакъ сынъ Тимофѣевичъ,
Какъ и я-то воровской Донской Атаманушка,
Какъ и я-то гулялъ по синемъ морю,
Что по синему морю по Хвальнскому;
Какъ и я-то разбивалъ, вѣтъ, босы кораблики,
Какъ и тѣ-то корабли все неорленные,
А теперича, надежа-Православный Царь,
Приношу тѣ свою буйную головушку,
И съ буйной головой царство Сибирское.»
Рѣчь возговоритъ надежа-Православный Царь,
Какъ и грозной-то Царь Иванъ Васильевичъ:
«Ой ты, гой еси, Ермакъ сынъ Тимофѣевичъ,
Ой ты, гой еси, Войсковой Донской Атаманушка!

Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ,
 Я прощаю тебя за твою службу,
 За твою то ли службу мнѣ за вѣрную,
 И я жалую тебѣ, Ермакъ, славный тихій Донъ.»

Донцы-Верховцы могутъ быть признаваемы въ происхожденіи изъ той части Россіи, гдѣ употребляютъ слова: што, чаго³, яго и подобныя имъ, вмѣсто: что, чего, его. Болтинъ написалъ, что Царь Іоаннъ I переселилъ на Донъ Мещерскихъ Казаковъ; быть можетъ, что они первые поселены въ верховыхъ юртахъ.

Донцы-Серединцы могутъ быть признаваемы изъ тѣхъ Россіянъ, гдѣ разговоръ подходитъ къ правильному Русскому. Болтинъ пишетъ, что бывшіе въ Россіи мятежи способствовали размноженію Донскихъ Казаковъ. Вѣроятно будетъ, ежели сочтемъ поселенцами здѣсь тѣхъ людей, кои были въ столицахъ и городахъ при дворцѣ и знатныхъ Боярахъ, по службѣ Стрѣлецкой и Казацкой, отъ которыхъ произошло чистое нарѣчіе.

Донцы-Низовцы, купно съ Донецкими, примѣчаются происходящими отъ Россіи Малыя. Слова до нынѣ употребляемая: хйба, нема, бувъ, переменное на булъ, ' въ подражаніе Русскому былъ и проч. то свидѣлствуютъ. Въ примѣчаніи Болтина читаемъ, что многіе Малороссійскіе Казаки, бывшіе съ Донскими подъ Астраханью, послѣ важныхъ побѣдъ надъ Турками, возвращаясь въ свои мѣста, остались жить на Дону и построили городокъ Черкасскъ, по имени Черкасы, городка ихъ, состоящаго на Днѣпрѣ.

Весь вообще Донской Казачій родъ есть Россійскій природній, даже вшедшія въ него нѣкоторыя Калмыцкія, Татарскія, Греческія и Турецкія племена, чрезъ смѣшеніе, измѣнились совсѣмъ въ Русскій родъ.

3 Отъ чего произошло слово чига, которымъ обнизовые дразнятъ верховыхъ.

4 Отъ слова булъ произошло слово булочникъ или бубличникъ, которымъ верховые дразнятъ Черкасскихъ, кстати что тамошніе жители имѣютъ на базарѣ булки и бублики.

2.

Составленіе Верхне-Курмоярской станицы, построеніе церкви и переселеніе ея.

Во многихъ юртахъ находятся лѣсные луки, именуемыя зимовниками. Есть и у насъ лука зимовная, получившая названіе отъ зимовки Казаковъ, въ тѣ времена, когда еще не имѣли они ни заселенія, ни женъ. Они, перезимовавши тамъ, отправлялись въ лѣто на добычъ по Волгѣ, Янку, Каспійскому и Азовскому морю.

Зимовое становище сіе или станъ находился не подалелу Краснаго высокаго яра, стоящаго надъ лѣвымъ берегомъ Дона, по которому яру и названъ Курманъ⁵ яромъ верхнимъ, ибо подобный яръ находится ниже въ юрту Нижне-Курмоярскомъ. По пространству займища, по множеству лѣсныхъ острововъ, служившихъ защитою отъ непріятельскихъ набѣговъ и розысковъ, набралось къ стану сему Казаковъ гораздо больше, нежели къ прочимъ, такъ что когда построили они становую избу, находилось въ ней четыре односумства, составляющія по двадцати, всего 80 человекъ. А какъ въ одно вешнее большое половодье, становое мѣсто затопило, и нѣкоторые, не умѣвшіе управлять лодками, уносимы были вѣтромъ и тонули, то большая часть перекочевала къ устью Чира, а остальные перешли на бугоръ въ Черленую луку, ближе къ Красному яру.

Въ прочихъ Казачьихъ станахъ также было по одной общей избѣ, а выше Чиру въ одномъ станѣ было пять общихъ избъ, почему Пятиизбная станица и названіе свое получила.

Когда Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный пожаловалъ Казакамъ рѣку Донъ и приказалъ имъ жениться, то среднихъ становъ Казаки, за неимѣніемъ женска пола и отдаленностію Россійскихъ селеній, въ которыхъ надлежало доставать женъ, не имѣли даже и собственной охоты, чтобы жениться. Въ доказательство чего списываю старинную пѣсню:

⁵ Татары, ежегодно прикочевывая, имѣли на сяхъ ярахъ праздники свои и торги, а потому слово курманъ или кирманъ значитъ ярмарку, или торгъ.

«Какъ со славной со восточной со сторонушки,
 Протекала быстрая рѣчущка, славный тихій Донъ —
 Онъ прорылъ, прокопалъ, молодецъ, горы крутыя,
 А по правую по сторонушку лѣса темные,
 Какъ да по лѣвую сторонушку луга зеленые.
 На Дону-то все живутъ, братцы, люди вольные,
 Люди вольные, братцы, Донскіе Казаки,
 Донскіе Казаки живутъ, братцы, все охотнички.
 Собирались Казаки-друзи во единый кругъ,
 Они стали межъ собою да все дуванъ дѣлить:
 Какъ на первоятъ пай они клали пять сотъ рублей,
 На другой-то пай они клали всю тысячу,
 А на третій становили красную дѣвицу.
 Доставалась красная дѣвица доброму молодцу:
 Какъ растужится, расплачется добрый молодецъ:
 «Голова ль ты моя, головущка несчастливая!
 Ко бою-то, батальицу, ты напервая,
 На паю-то, на дуванъ ты послѣдняя!»
 Какъ возговорить красная дѣвица доброму молодцу:
 «Ахъ, не плачь ты, не тужи, удалъ добрый молодецъ,
 Я сотку тебѣ шелковый коверъ въ пятьсотъ рублей,
 А другой коверъ я сотку тебѣ во всю тысячу,
 А третій я сотку коверъ, что и смѣты нѣтъ.»

Напротивъ, говоритъ Болтинъ, что «жизнь холостая вскорѣ сдѣ-
 лалась скучною многимъ, стали доставать себѣ женъ, или по до-
 бровольному согласію, или, по обыкновенію Татаръ, увозомъ отъ
 своихъ сосѣдей, Казаковъ и Татаръ.» Быть могло сіе въ другихъ
 станицахъ, но у насъ не за долго только до Петра Великаго на-
 чали жениться. Старуха, по прозванію Карпушиха (бабка нынѣш-
 нему Сергѣю Поскребалину), жившая 95 лѣтъ и умершая до сего
 за 50 лѣтъ, была достата изъ Россіи и находилась въ стану
 третья только женщина, а вторая Чебачиха. Кто такая первая
 женщина, неизвѣстно, съ которую жившій Казакъ, въ особенной
 избѣ, прижилъ сына. Сего младенца всею станицею нянчили, я
 весьма твердой памяти преданіе дошло до насъ, что первый у
 него зубокъ всѣ наперерывъ, съ особеннымъ восторгомъ и ра-
 достію, смотрѣли.

Потомъ, какъ стали и прочіе доставать себѣ женъ и жемчуге приходивъ изъ Руси, тогда всякъ для себя строилъ особую набу, а по множеству набъ или станцовъ въ одномъ мѣстѣ, назвали селеніе свое станицею, какъ и прочія, а общую избу станичною избою.

Очень скоро станица сія умножилась и имѣла зимовникъ свой въ другой зимовной лукѣ, что близъ Бсауловскаго рубежа. Сей зимовникъ отдѣлился и сдѣлался Зимовейскою станицею, что нынѣ Потемкинская, раздѣли съ нею юрту своей на двое.

Петръ Великій, заведши линію Царицынъ-Качалинскую, всѣ станицы, состоящія на низѣ по Дону, въ числѣ томъ и нашу, называлъ городками,⁶ и далъ имъ, для обороны отъ непріятеля, пушки, въ нашъ городокъ три большія и двѣ малыя чугунныя.

Во время пльгья Его Величества по Дону, въ нашемъ городкѣ становилась на квартиру у Чебачихи. Изъ бывшихъ съ нимъ людей одному приказалъ Государь стрѣлять чрезъ Донъ по уткѣ, плавающей подъ Задонскимъ берегомъ, но тотъ ее не застрѣлилъ. Государь потребовалъ: «Нѣтъ ли кого изъ нашихъ, кто бы въ такомъ разстояніи убилъ утку?» вызвался молодой Казакъ, по прозванію Пядухъ, и изъ пищали своей убилъ утку, не цѣлившись. Тогда Государь сказалъ: «Исполать Казакъ! Хотя и я убью, но только поцѣлюсь.» Пядухъ умеръ 1795 года, онъ жилъ около ста лѣтъ.

Есть у насъ въ числѣ станичныхъ знаменъ два знака однокосичные, такого формата, какъ однокосичный значекъ въ Войсковой регалии. Сказываютъ, что одинъ изъ нихъ, который съ образомъ Божіа Матери и Св. Предтечи, пожалованъ городку нашему Петромъ Великимъ, а другой ветхій, въ однихъ клочкахъ, будто пожалованъ прежде еще Государемъ Грознымъ, при пожалованіи юрта.

Черленой городокъ нашъ сгорѣлъ, а выстроившись, въ немъ жили до того времени, какъ Донъ обратилъ свое теченіе въ право,

⁶ Иные утверждаютъ, что когда Казаки завели городокъ Черкасскъ, то другіе, видя на нихъ, какъ такіе же Казаки, свои городки заводили начали; стани свои называютъ станицами, а укряленія городками.

въ Желобовку ерикъ, оставивши станицу на лѣвой сторонѣ, которая почиталась тогда непріятельскою. Станица принуждена была изъ Черленой переселиться въ прежнюю свою зимовную луку (примѣчательно около 1730 года), и вся станица состояла только изъ 30 домовъ.

Въ Зимовой, послѣ того, на войсковые 100 брусомъ сосноваго лѣса построена новая церковь, во имя Смоленскія Божіей Матери, нарицаемая Одигитрія, а въ 1745 г. вся станица сгорѣла, и изъ собственнаго лѣса хотя выстроилась лучше прежняго, но въ 1772 году паки половина станицы выгорѣла.

А какъ туба, называемая Ялпннѣина, сдѣлалась тогда изъ Дона въ Донъ протокою, заключая станицу какъ на островѣ, принуждена была переселить городокъ свой за тубу къ Запертовскому ерику, на бугоръ, и въ 1774 году переселилась. Тамъ, по низкости бугра, вешняя вода ежегодно разносила базовое строеніе, ⁷ а бывшая въ 1786 году чрезвычайная вода, потопивши на самомъ высокомъ мѣстѣ въ два съ половиною аршина, не только всѣ базы, но и нѣсколько домовъ разнесла; во время этого половодья ни одной души въ станицѣ не осталось, а всѣ выѣхали съ пожитками на кряжъ. ⁸

Тогда станица входила прошеніемъ къ Войсковому Атаману, Алексію Иловайскому, о позволеніи переселиться за Донъ, т. е., на Задонскую или Нагайскую сторону, на нынѣшнее мѣсто, но войсковою грамотою отказано, что за опасностію Нагайской стороны, безъ Высочайшаго повелѣнія, дать позволеніе не можно, а обѣщался войсковою Атаманъ доложить Государынѣ Екатеринѣ II, во время путешествія ея въ Таврію.

Станица, обезнадежившись когда либо получить на то разрѣшеніе, испросила у Войска дозволеніе строить тамъ большую деревянную церковь, въ четыре высокіе залама, о трехъ главахъ. Мало не окончивъ строенія, бывъ принуждена водою, между тѣмъ видя засыпающуюся пескомъ тубу, въ 1789 году переселилась

⁷ Базъ есть то же, что дворъ, только дворъ дѣлается при домѣ, а базъ въ отдаленности, ибо въ городкахъ дома становились очень тѣсно, безъ налѣйшаго дворка, а базы для того дѣлались за городкомъ.

⁸ Кряжъ есть берегъ займища половоднаго.

на прежнее свое мѣсто, въ Зимовную, куда и нововыстроенную церковь перенесли, совершила. Мѣсто сіе есть насыпная вѣтромъ съ косы песочная кучугурина, на коей городокъ очень тѣсно поселившись, обливался кругомъ полою водою очень глубоко. Въ такомъ положеніи будучи, станица весною 1805 года лишилась своей церкви, отъ огня, возникшаго по неосторожности духовенства. Если бъ случилось малѣйшее дыханіе вѣтра, то бы неминуемо вся станица занялась пожаромъ, ибо и при самой тишинѣ, отъ падающихъ съ высоты головней, ближайшіе дома занимались огнемъ, но были погашаемы. А въ случаѣ пожара, всѣ тѣ, кои бъ не успѣли, или бы не могли помѣститься, сѣсть въ каюки, принуждены бы были, или сгорѣть въ семь мѣстѣ, или потонуть въ окружающей глубинѣ. Почему предвидящіе общую пользу, исходатайствовавъ отказъ на выстройку деревянной, положили соорудить каменную церковь, зная, что для ней песчаный грунтъ тамъ не годится, и что по тому будетъ станица принуждена переселиться на сухое мѣсто.

И такъ съ позволенія войска, въ 1809 году, переселились за Донъ, на равнину, къ Нагаеву кургану,⁹ гдѣ по плану, хорошо принаровленному къ сему рѣдкому красотою и пользою мѣстоположенію, обзаведясь довольно хорошимъ строеніемъ и садами, выстроила отмѣнной архитектуры трехпрестольную каменную церковь, имѣя теперь 330 домовъ.

3.

Ю р т ъ.

Первый предметъ былъ звѣриная ловля, для которой Казаки имѣли необходимость назначать границы между станами. И потому они, начавши понимать о собственности поземельной, и будучи ободрены Монаршею милостію къ осѣдлости на Дону хотя и были други—люди вольные, но уже, яко Атаманы молодцы, думая, гадая всякъ въ своемъ обществѣ, не смѣли уже гнаться за звѣремъ въ чужіе предѣлы, а за тѣмъ и обязаны были стараться защищать свои отъ набѣговъ непріятельскихъ.

⁹ Сказываютъ, въ семь курганѣ погребенъ Татарскій Царь, Нагай, по имени котораго Нагайскіе Татары и Задонская сторона Нагайскою называются.

Женитьба и домовственность заставили заботиться о юртахъ, которыхъ границы располагали по сосѣдству, станица съ станицею, полюбовно, а въ случаѣ поновленія тѣхъ границъ и зашедшихъ споровъ, жаловались Войску. Войско въ Черкасскомъ Войсковомъ Кругу приказывало войсковымъ старшинамъ разбирать распри ихъ чрезъ старожиловъ, по прежнимъ полюбовнымъ ихъ разводамъ,

Примѣчанія достойно, что старики для границы прорѣзывали воду чрезъ Донъ. Они полагались въ общую правду на одного молодца, чтобъ отъ насѣченной грани при берегѣ одной стороны Дона, плыть ему на лошади на другую сторону Дона, и гдѣ выплыветъ, тамъ назначали и рубежъ. Дѣлали крѣпко, чтобъ никто невѣдѣніемъ не отговаривался, что общая правда плыть не въ томъ, а въ другомъ мѣстѣ.

На Задонской или Нагайской сторонѣ границу юртовъ почитали отъ Дона въ степь на такое разстояніе, на которое выстрѣль изъ пищаля, тогдашняго ружья пулею, достанетъ. Послѣ того, когда меньше опасности стало, начали почитать юртомъ, пока по рѣчкѣ Аксаю поляя Донская вода весною обозначается.

Съ Нагайскою станицею первая полюбовная запись о разводѣ рубежа писана 1687 года, Сентября 1-го дня, въ которой постановлено: «Ежели какой станичный Казакъ станетъ говорить нештотовыя рѣчи, что, де, тѣ правды не въ правду сказали, и мы на той твердости положили, и того Казака людьми дойти и безъ суда прибить»; вторая запись при поновленіи того развода 1756 года, Февраля 18; третья 1761, Іюля 16.

Съ Зимовейскою станицею былъ первый разводъ въ 1706 году, безъ записи. А какъ Зимовейцы озарничали и входили во владѣнія наши, то, по челобитью нашихъ, прислана войсковая грамота на столбцѣ, шириною въ четверть, а длиною въ полутора аршина, о разводѣ рубежа по прежнему, полюбовно. Она начинается такъ: «Отъ Донскихъ Атамановъ молодцовъ, отъ войскаваго Атамана Ивана Матвѣевича, и отъ всего Великаго Войска Донскаго, вверхъ по Дону, въ Верхнюю Курмоярскую и Зимовейскую станицы, станичнымъ Атаманамъ и всѣмъ станицъ молодцамъ объявляемъ: въ нынѣшнемъ 1723 году, Іюня, дня, Ефъ Императорскому

Величеству, а намъ, Войску Донскому, въ Черкасномъ въ нынѣшнемъ войсковомъ кругу били челомъ» и проч. Окончаніе безъ года и числа. Послѣ сей грамоты состоялась запись того же 1723 года, Августа 2, потомъ 1742, Февраля 4, и третья 1756, Февраля 24.

Ежегодная Зимовая станица была сколько важна Монаршимъ привѣтствіемъ и радостію для жителей каждаго городка, столько и важнымъ свѣдѣніемъ о рубежахъ, ибо у насъ Зимовую станицу ежегодно плывшую по Дону встрѣчали съ знаменами и ружейною пальбою на рубежѣ Потемкинскомъ, а въ станицѣ сверхъ ружейной пальбы и съ пушечною, входили на барку, поздравляли Зимоваго сплавнаго Атамана, а онъ станичнаго и всю станицу съ Государевою милостію, пили здравіе Монаршее и Великаго Войска Донскаго изъ серебряновызолоченнаго ковша, жалованнаго Зимовому Атаману, и провожали на пиръ до Нагайской станицы, которая съ такою же церемоніею встрѣчала на нашемъ рубежѣ. И такъ юртовая собственность означалась непремѣнно, которая привязывала къ хозяйственной жизни, и вольную охоту по рѣкамъ и морямъ совсѣмъ изъ сердець Казачьихъ истребили, а Монаршія жалованныя грамоты, писанныя на Донъ, въ нижніе и верхніе юрты, утверждающія торжественно на всегда владѣнія сія, суть главнымъ основаніемъ ревности къ службѣ и домостроительству или хозяйству ихъ.

4.

Общежитіе.

1. Когда Казаки не имѣли женъ и одомовленности, питались больше мясомъ дикаго скота и птицею, въ посты же рыбою, и лѣсными яблоками, грушами и терномъ, бывшими въ великомъ множествѣ и изобиліи. Зимую въ одной становой избѣ, имѣли челоуѣкъ по десяти и болѣе одну суму, въ которой добычнѣй запасъ ихъ хранился. Считались не по сотнямъ и десяткамъ, а по сумѣ, отъ чего вышло на Дону братское слово «односумъ.»

Привычка къ общежитію такъ сильно вкоренилась, что они, хотя имѣли по женитьбѣ своей дома, но за первое удовольствіе почитали, въ праздное отъ домашности время, быть въ станичной

избѣ. Старики непремѣнно тамъ визали сѣти, вентери, тенета, дѣлали разохи и проч., играли, т. е., пѣли богатырскія свои пѣсни, начиная, обыкновенно, напѣвомъ вздуманной пѣсни, такъ: «Да вздунай най, дунаана вздунанай дунай,» и разговаривали о успѣхахъ въ битвѣ и ловлѣ дикихъ звѣрей, птицъ и рыбы, да что завтра и позавтра намѣренъ кто дѣлать, все тутъ открывали чистосердечно. А что добычнаго гдѣ одинъ примѣтилъ, приглашаетъ многихъ въ товарищи. Впрочемъ, набьетъ ли кто дичины, или наловитъ рыбы, оставляетъ себѣ отъ раздачи на одинъ только обѣдъ, что, помалу уменьшаясь, хранится нынѣ, но и то у однихъ только стариковъ раздача рыбы безденежно, а собранія въ станичную избу для издѣлій кончились 1785 годомъ.

2. Прежде нежели обзавели хутора, весною, отъ воды, выгоняли скоть свой на кряжъ, гдѣ теперь хуторъ Базки, получившій названіе свое отъ тогдашнихъ скотскихъ базковъ, гдѣ въ одной плетневой кухнѣ жила семей по пяти, также безорно, какъ и въ сосѣдствѣ. На хлѣбопашествѣ и жнитвѣ со всѣхъ пашень сѣзжались къ ночи на одинъ станъ; сперва дѣлали сіе отъ опасности непріятельской, а потомъ, соблюдая привычку, для препровожденія вечеровъ и праздничныхъ дней въ забавахъ. Послѣ раздѣлялись на два, на три стана, и какъ болѣе народъ умножился, на многіе станы; до 1790 года собирались на одинъ станъ семьи по три, по пяти, а нынѣ того не видно.

3. Женитьба до 1715 года, т. е., до прибытія попа, была безъ вѣнчанья. А хотя, доставши дѣвушку, ѣздили при ней съ поѣздомъ, т. е., съ командою къ Бахмуту и Острогожску вѣнчаться, но сіе дѣлали для лучшей удобности увозить женскій полъ, за что были жалобы къ Государю; какъ же было приказаніе жениться отъ Государя же, то и производились о увозѣ дѣвокъ одни лишь слѣдствія. Доставши дѣвушку, нареченный женихъ съ невѣстою, вступая на сборъ въ станичную избу, помолясь Богу, кланяются на четыре стороны и другъ другу говорятъ: «Ты, скить,¹⁰ Настасья, будь мнѣ жена!» Невѣста, поклонившись ему въ ноги, отвѣчаетъ: «А ты, скить, Гавридо, будь мнѣ

¹⁰ Слово скить изъ Руси принесено и, какъ видно, происходитъ отъ слова с к а -

мужь!» и цѣлуются при поздравленіи общемъ. Потомъ живутъ вмѣстѣ и рожаютъ дѣтей. Поссорившись до того, что не захотятъ вмѣстѣ жить, мужъ выводитъ жену на сборъ и отказывается: «Вотъ, скить, честная станица, она мнѣ не жена, а я ей не мужь!» Отказанную тутъ же можетъ взять другой, прикрывши ее своею полою и сказать тоже: «Ты, скить, Настасья, будь мнѣ жена!» и проч. По прибытіи въ станицу попа хотя и вѣнчались, а по построеніи церкви хотя вѣнчались уже и правильно, но разводъ дѣлался тотъ же до 1750 года.

4. Игры были наиболѣе домашнія, въ станичной избѣ, въ майданъ, т. е.,¹¹ въ шахматы, отъ чего у нѣкоторыхъ и станичная изба получила названіе майданъ, а на дворѣ, т. е., на открытомъ мѣстѣ, въ воловыи, овечьи и свиныя шашки (тѣ мелкія кости, кои находятся въ сихъ животныхъ выше копытъ). Сію послѣднюю игру въ праздники употребляли служилые Казаки по улицамъ до 1790 года. Она способствовала къ навыку бить шибкомъ птицу и зайцевъ. Дѣти до 15-лѣтняго возраста, мужеска, бѣгая безъ исподниковъ, кромѣ сей игры, а женска, кромѣ той игры и куколъ, ничего не дѣлали почти до 1760 года. А какъ домоводство увеличивалось, время по времени, особливо нынѣ, дѣти употребляются въ работу и издѣлье съ малыхъ лѣтъ.

5. Гулебныхъ компаній не бывало по домамъ, а пивали водку на общій счетъ, на сборъ, на собственный же счетъ въ кабацкѣ. Называлось съ носка по алтыну пропить, а за кѣмъ жена придетъ звать изъ кабака домой, съ того на два алтына. Тамъ они ссорятся, иногда дерутся, мирятся, и паки пьютъ магарычи. Нынѣ сего нѣтъ. Торжественныя станичныя компаніи бывали на Троицынъ день и на Масляницу. Сосѣднія станицы, при своихъ атаманахъ и старикахъ, съ знаменами съѣзжались верхи на рубежъ съ общественною сіушкою. Тамъ дѣлали шермиціи и кулачные бои; теперъ сего не бываетъ. А на Масляницу въ станицѣ бываетъ даже до нынѣ; въ четвертокъ дѣлается сборъ, на

з а т ь. Оно употреблялось только въ нужныхъ приговорахъ, какъ-то: «въ куль, скить, да въ воду.»

11 Слово майданъ — Татарское, означаетъ плацъ или мѣсто народное.

которомъ отъ атамана приказъ, чтобы въ гульбѣ не происходило безчинствъ, и тутъ же станица раздѣляется, на сколько случится компаній. Каждая компанія избираетъ изъ себя ватажнаго атамана, двухъ судей и квартирмистра. По просьбѣ ихъ, выдаются во всякую компанію знамена и хоругви. Гульба продолжается по домамъ до вечера сыропустнаго воскресенья, иѣшь и, по повѣсткамъ, на лошадяхъ — въ воинскомъ дружѣ. При встрѣчахъ командъ салютуютъ знаменами, и всѣ команды, раздѣлясь на двое, дѣлаютъ примѣры боевыхъ партій и сраженій съ стрѣльбою и ударами на дротики. Во время пребыванія команды у кого либо въ гостяхъ, знамена находятся въ дворѣ, или предъ дворомъ, ставкою при часовомъ, по очереди изъ компаній наряжаемомъ отъ квартирмистра, котораго должность есть извѣщать тотъ домъ, куда ѣхать намѣрена компанія. Въ воскресенье, на вечеръ, среди площади составляется изъ скамѣекъ кругъ, въ срединѣ накрытый столъ съ напитками и закускою. Со всѣхъ сторонъ компаніи съѣзжаются и сходятся, народъ бѣжитъ толпами, атаманы при насѣкѣ съ стариками выходятъ подъ жалованнымъ значкомъ, который и знамена становятся вокругъ круга, ватажные атаманы садятся при станичномъ атаманѣ, затѣмъ чиновники и старцы, пьютъ за Высочайшее здоровье, потомъ Войсковаго Атамана и всего великаго Войска Донскаго и честной станицы, съ выстрѣлами. При семъ случаѣ народу обоюго пола и возраста сбѣгается къ сему кругу столько, что полнѣе сего собранія во весь годъ не бываетъ. Сидящіе въ сей походной бесѣдкѣ, окончивши питье за здравіе, встаютъ и всѣмъ народомъ молятся либо на востокъ, либо обращаются на церковь и другъ съ другомъ прощаются съ цѣлованіемъ. Сіе прощальное цѣлованіе простирается по всему народу, такъ что только и слышно, что: «Прости, Христа ради, въ чемъ согрѣшилъ, или согрѣшила!» и «Богъ проститъ!» Знамена не суть въ атаманскій домъ для сдачи, народъ расходится, для хожденія въ дома родственниковъ прощаться. На прощальные праздники, по старому же заведенію, бываетъ въ станичной избѣ, по отпѣтїи молебна, общій обѣдъ, на который, кромѣ станичнаго мяса, или рыбы, сносятъ все, у кого что есть хорошаго, и потомъ раздѣляются на компаніи съ ватажными же атаманами, и гуляютъ по домамъ безъ знаменъ три дни.

Ватажные атаманъ съ судьями, случающіеся между гулящими споры и неудовольствія, рѣшаютъ сами; имъ предоставлено, по древнему обычаю, даже наказывать безчинниковъ въ своей ватагѣ, по общему ихъ присужденію; по чему компаніи сіи бываютъ благочинны.

Кромѣ сего, когда ввелось въ обыкновеніе просить компанію стариковъ къ себѣ въ домъ для угощенія, то просящій идетъ предъ компанію по улицѣ безъ шапки. Равномѣрно, когда гуляютъ съ двора на дворъ на свадьбахъ, также проситель идетъ впереди безъ шапки, идетъ, останавливается и кланяется: «Прощу покорно любящія гости!» На свадьбахъ поздравительной за чаркой приговоръ: «Желаю здравствовать нареченному Князю», или: «Князю молодому съ Княгинею, Княжему отцу, матери, дружкѣ съ полудружьемъ, сватѣ съ позовникомъ и всему храброму побѣду, всѣмъ любящимъ гостямъ», или «всей честной компаніи на бесѣдѣ, не всѣмъ по именно, всѣмъ поравенно; о чемъ задумали, загадали, опредѣли, Господи, таланъ и счастье, слышанное видѣть, желанное получить въ чести и радости нерушимом!» Ему отвѣчаютъ: «Опредѣли, Господи!» и онъ пьетъ.

6. До 1750 года торговыхъ людей здѣсь не было и между собою ничего не продавалось. Въ сіе время показались Русскіе купцы, одни покупали лошадей и скотъ, другіе привозили продажные товары. Съ 1760 года нѣкоторые изъ нашихъ жителей начали торговать, покупая у Калмыкъ лучшую лошадь въ 8 и 10 руб., лучшаго вола въ 4 и 6 руб.

7. Съ того же 1760 года стали употребляться прихожіе работники; кощу плачивалось на день по 2 и по 3 алтына.

8. Воровства между собою не бывало. Оставленные на покосѣ, или въ другомъ мѣстѣ, вещи, чрезъ всякое время находились цѣлы. Потеряныя вещи, даже налыгачи, пугы, топоры и проч., какъ скоро къмъ найдены, приносились на сборъ, что и до нынѣ соблюдается, но не отъ всѣхъ жителей. Въ дворѣ оставленныя вещи на ночь, даже болѣе, бываютъ и теперь цѣлы. Напротивъ того, воровство лошадей и скота началось съ 1785 года и, возрастая донынѣ, возвысилось до невѣроятнаго дурчества.

5.

Правленіе и судъ.

Когда начался погодный выборъ Атамановъ, и кто былъ первый Атаманъ, неизвѣстно, только въ старину охотниковъ въ Атаманья не было. Назначенный въ сію должность, обыкновенно, откланивался среди сбора на четыре стороны въ поясъ, а ежели усердно отпрашивался, то кланялся въ землю. Примѣчательно съ 1775 г. стали оказываться охотники, т. е., желающіе. Причина тому не иная, какъ открылось въ народѣ тщеславіе и излишнія въ содержаніи прихоти. А потому желающій въ Атаманья въ теченіи Филипповки запаивалъ, т. е., при угощеніи водкою запрашивалъ, отъ чего дѣлались партія по фамиліямъ и при выборахъ случались брани и драки за насѣку.

Обряды выбора Атамана. На Богоявленіе,¹² а послѣ переѣзжено на Новой Годъ, отъ утрени, по закличкѣ, собирается станица въ станичную избу. Атаманъ встаетъ, молится Богу, кланяется на всѣ четыре стороны и говоритъ: «Простите, Атаманы молодцы, въ чемъ кому согрѣшилъ!» Станица подаетъ голосъ: «Благодаримъ, Зиновій Михайловичъ, что потрудились.» Онъ кладетъ насѣку на столъ, подложивъ подъ нее шапку свою, и садится гдѣ ни будь, но его сажаютъ таки на первое мѣсто. Онъ приказываетъ Есаулу доложить (о такомъ докладѣ будетъ ниже), и когда всѣ замолчатъ, докладаетъ сдавший насѣку Атаманъ: «Кому, честная станица, прикажете насѣку взять? «Вдругъ всѣми голосами кричатъ: «Сахрону Самойловичу!» Таковыхъ докладовъ и подачи голосовъ должно быть три, а когда голоса раздѣляются, то бываетъ и больше. И какъ на Сахрона Самойловича больше голосовъ, то и поручаютъ насѣку ему для выбора Атамана. Сахронъ Самойловичъ, принявъ станичную насѣку, по докладу Есаульскому, возглашаетъ: «Вотъ, честная станица Курмоярская, старой (т. е., бывший) Атаманъ годъ свой отходилъ (отслужилъ), а вамъ безъ Атамана быть нельзя, такъ кого честная станица прикажете? «Какъ громъ изъ тучи ударить

12. Въ прочихъ станицахъ выборы бывали въ иные дни, какъ-то: въ Есауловской -- въ четвертокъ на Масляницѣ.

такъ изъ черни крикъ; одни кричатъ: «Макѣя, Макѣя, Макѣя Яковаевича!» другіе: «Якова, Якова, Якова Матвѣевича!» третьи своего, четвертые своего. Надобно имѣть быстрый слухъ, чтобъ разслышать, на кого больше крику. Есаулъ докладываетъ, и старики вопрошаютъ въ другой, третій разъ, ему отвѣтствуется тѣмъ же продолжительнымъ громомъ. Тогда, заключивъ самъ въ себѣ свое мнѣніе, что на Якова Матвѣевича голосовъ больше, вручаетъ ему насабку.¹⁴ Сей, перекрестившись, принимаетъ. Его прикрываютъ старики собственными шапками, въ знакъ поздравленія, и онъ садится къ старому Атаману въ большое мѣсто. Потомъ продолжается сдача насабки Есаула и выборъ другаго, съ доклада новаго Атамана. Къ Атаману въ подписные старики (въ судьи) опредѣлились по голосамъ десять человекъ лучшихъ людей.

Должность ихъ была по временамъ: 1, въ случаѣ опасности отъ непріятеля, бѣжать по покосамъ и полямъ съ знаменами, чтобъ, бросая работу, собирались всѣ въ осаду; 2, мирить ссорящихся; 3, по общимъ дѣламъ брать штрафы на поемъ; 4, знать очереди въ нарядахъ на службы; 5, давать сказки нѣ отставкѣ, и 6, объявлять черни виновныхъ въ преступленіяхъ, и ждать отъ ней приговора къ наказанію, или прощенію.

Сказываютъ, что во время Ермака Тимофѣевича и послѣ того за важныя дѣла, какъ-то: за измѣну по службѣ Государевой, или общественной; равноумно за оскверненіе себя блудодѣяніемъ, исполняли рѣшительный приговоръ: «въ куль, скить, его да въ воду!» За среднія преступленія: за огурство, воровство, за несоблюденіе постовъ — сбили плетями. За шалости, и когда стали быть заповѣдныя лѣса и луга, за несоблюденіе станичныхъ приговоровъ, штрафовались на поемъ, ибо общую продажу вина поставили закономъ въ барышахъ.

Но, ежели старинное односумство, послѣ же станичное общество, вступится за оговореннаго, то Атаманъ съ стариками, а въ походахъ старшины, никакимъ наказаніямъ коснуться не смѣли.

¹⁴Насабка Атаманская есть терновая палка, испещренная ножемъ еще на корнѣ, а во время нараскиванія, finer рубечки (насабки), заплывши кожей, составляютъ видъ природной лозы. Ножи качали а донынѣ употребляли гладкую ланкерванную трость съ серебряною булавой.

Обряды тяжбныхъ и судебныхъ дѣлъ были на сборѣ. Сборъ собирается по закличкѣ. Сборъ есть собраніе наличныхъ въ станичную избу. Закличка произносится по улицамъ станицы отъ Есаула станичнымъ голосомъ, т. е., рѣзкимъ, протяжнымъ, Есаульскимъ: «Атаманы молодцы, вся честная станица Курмоярская! сходитесь на бесѣду (или закликаетъ въ станичную избу, или на майданъ), ради станичнаго дѣла (войсковую грамоту слушать), а кто не придетъ, на томъ станичный приговоръ — осьмуха!» т. е., взять будетъ штрафъ — осьмуха сухи напоемъ, а осьмухою называли у насъ третникъ ведра. На сборѣ во время сужденія обыкновенный шумъ и крикъ, отъ того что всякъ свое между собою говоритъ, и всякой кричитъ о своемъ мнѣніи къ первому мѣсту. Проситель выходитъ на средину, кланяется на всѣ четыре стороны, подходитъ потомъ къ Атаману, рассказываетъ о существѣ своего прошенія, старики внимаютъ. Атаманъ, выслушавши, приказываетъ Есаулу: «Есауль, доложи, или сдѣлай докладъ, или вели помолчать, или: Есауль, помолчи!» Сіи изреченія значать одно и то же, чтобъ онъ укротилъ шумъ. Есауль кричитъ станичнымъ голосомъ: «Атаманы молодцы, вся честная станица Курмоярская! помолчите!» возвышаетъ трость, бьетъ объ матицу и приговариваетъ: «Помолчите-ста, Атаманы молодцы, помолчите-ста!» Тишина, при шопотѣ недоговорившихъ свои матеріи; Атаманъ встаетъ и докладываетъ: «Помолчите, Атаманы молодцы!» Тишина. «Вотъ Аксень Пахомовичъ проситъ о томъ-то, что скажете? Дать, или не дать?» Рѣшается отъ народа голосами — къ удовлетворенію: «Въ добрый часъ! въ добрый часъ!» а къ отказу: «Не дать! за что!» Такимъ же образомъ и обвиняемому среди сбора прикажетъ Атаманъ сперва кланяться, а послѣ съ доклада спрашиваетъ рѣшенія отъ черни: «Вотъ, честная станица, старики присудили наказать его плетями за то-то! Какъ прикажете? Простить ли его, или выстегать?» Сказываютъ, что однажды, въ подобномъ случаѣ, сынъ, не разслышавъ о комъ и о чемъ дѣло, закричалъ: «Въ добрый часъ!» Но какъ ему растолковали, что хотятъ бить отца его, онъ тутъ же закричалъ инымъ голосомъ: «За что батюшку съчь? Не надо!» Равнобѣрно всякой штрафъ и всякое удовлетвореніе зависѣло отъ доклада и словъ отъ черни: «Въ добрый часъ!» или: «Не надо!» Впрочемъ, смели старики какую либо матерію почтутъ не стоящую уваженія, Атаманъ безъ

позволенія ихъ доклада учинить не могъ. Отъ чего вышла по-словица: «Атаманъ неволею и въ докладъ».

Въ частныхъ обидахъ и жалобахъ другъ на друга миротвореніе было главнымъ дѣломъ. Атаманъ и старики сами кланялись въ ноги тяжущимся, чтобъ помирились, а не ѣздили бѣ судиться въ Черкасскъ. Бывали такіе упорные, что и поклоны Атаманскіе оставались тщетными. Проситель и отвѣтчикъ садятся въ одинъ каюкъ и плывутъ по Дону въ Черкасскъ тягаться. Не безъ того, что пристануть къ какой ни есть станицѣ, выньютъ водочки и въ напутствіе запасутся, плывутъ, поспорятъ, подоньютъ, разговорятся и вѣчной заключаютъ миръ. До того нужды нѣтъ, что назадъ гребутся версты 200 вверхъ по Дону, до своей станицы; но то пріятно, что Атаманъ и старики, встрѣчая ихъ, поздравляютъ съ миромъ.

Назývка шельмою или б не инако рѣшалась, какъ очисткою; на докладъ Атаманской возглашаетъ чернѣ обиженному, или обиженной, такъ: «Очисти: бей, скить, его палкою по ногамъ!» Сей беретъ, въ руки палку въ толстую трость, отмириваетъ на локоть и отрубаетъ. Потомъ бьетъ обидчика по ногамъ, приговаривая при всякомъ ударѣ: «Очисти!» Сей продолжаетъ быть, а тотъ подпрыдываетъ и кричать: «Знать не знаю и вѣдать не вѣдаю!»¹³ пока сборъ скажетъ: «Буде, очистилъ!» И такъ сіи очищаются, пребывая по прежнему безпорочными. Сей обрядъ видѣнъ былъ у насъ и 1783 года.

Когда приговоръ «въ куль да въ воду» уже не существовалъ, то, до 1780 года, у пойманныхъ въ блудодѣяніи обрѣзывали платье выше колѣнъ и водили парюю связанныхъ по станицѣ, а потомъ на сборѣ сѣкли плетью.

До 1801 года за воровство водили на веревкѣ по станицѣ съ полицнымъ, потомъ сѣкли плетью и отправляли безъ очереди на службу.

Всѣ таковыя дѣла проходили на сборахъ среди шума за междоусобными житейскія дѣла; особливо отъ сіухи, выносивой туда

¹³ Не знаетъ самъ и не вѣдаетъ отъ другихъ.

въ штрафъ виновныхъ, а по недостатку, иногда, и въ счетъ будущихъ виновныхъ, приговаривая: «Наливай! Станичная шестолста.» Однако жъ, выручаемую съ кабака станичную сумму, соблюдали и употребляли, кромѣ прочихъ расходовъ, въ помощь бѣднымъ, для исправленія на службу. Такой обычай на сборахъ продолжался до 1795 года, т. е., до учрежденія станичныхъ начальствъ.

Письменныхъ людей не бывало, рубежныя записи писывали Черкасскіе и верховые письменные Казаки; 1723 года видѣвъ на записи, подписавшійся станичный писарь, Федоръ Поповъ; онъ есть того поиа сынъ, который съ Волги приплылъ по Дону. Но при немъ и послѣ него въ полученіи пакетовъ и колодниковъ, пересылаемыхъ по станицамъ, давались отъ Есаула деревянные рубежки, по числу штукъ, точно такіе, какъ нынѣ отъ овчинниковъ въ полученіи для выдѣлки овчинъ, или отъ пастуховъ въ полученіи для паствы овецъ и скота. Послѣ Попова долгое время письменныхъ не было, а потомъ показался у насъ письменный человекъ, Никифоръ Ермолаичъ Котельниковъ. Онъ съ 1755 года, сряду 15 лѣтъ, былъ станичнымъ писаремъ; онъ сказывалъ, что одно перо доставало на цѣлый годъ для употребленія въ писани. Должность писарская состояла: прочесть на сборѣ опасную, т. е., предварительную грамоту изъ войска, по станицамъ отъ Маныцкой до Качалинской слѣдующую, о предосторожности отъ набѣговъ неприятельскихъ, или объ отправленіи за солью, и другое какое повелѣніе, коихъ не списывали, а прочитавъ отправляли, въ другія станицы, или, когда запрещены рубежки, дать росписку въ пересылаемыхъ пакетахъ и колодникахъ. Копіи съ повелѣній съ 1783 года начали списывать.

Судъ станичный также не записывался; для судебныхъ дѣлъ, коихъ не могли станицы разрѣшать, дабы тяжущіеся не ѣздили прямо изъ станицъ въ Черкасскъ судиться, были опредѣляемы отъ войска закащики: имъ вручалось станицъ по пяти и болѣе. Они поновляли въ станицахъ рубежи юртовъ ихъ; изъ нашей станицы былъ закащикомъ старшина Захаръ Петровичъ Марковкинъ, потомъ Исай Васильевичъ Топильцевъ, и др. грамотные. Даже приговорная станичная книга учреждена нами только съ 1795 года.

6.

Религія.

Изстари была вѣра Православная; церквей не было, но посты соблюдаемы были очень строго, чистота тѣлесная и цѣломудріе въ самой высокой степени добродѣтелей почитались. Браки, какъ бы они ни сочетались, не были оскверняемы чужимъ ложемъ. Около 1720 года, плывшій по Дону старикъ Макарій съ двумя сынами, присталъ въ нашей станицѣ и объявилъ себя попомъ, котораго станица упросила остаться жить у насъ. Онъ жилъ и требы отправлялъ въ станичной ивѣ; онъ есть прадедъ нынѣшней фамиліи урядника Мойсея Попова. По смерти его и по построении церкви, былъ еще одинъ священникъ, изъ Пятизбъ, Іоаннъ Максимовъ, а по немъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, изъ Нагавской, Борисъ Волынецъ, едва умѣвшій подписаться; они учили Православію.

Въ седьмомъ десяткѣ минувшаго столѣтія, когда не было при церкви нашей священника, вѣдичи по станицамъ съ Медвѣдицы Казаки, Леденевъ и Рогачевъ, съ прельщеніемъ въ расколъ, объявляя Указъ, чтобъ записывались Казаки, по примѣру Русскихъ крестьянъ, въ двойной окладъ, и большая часть станицы подписалась. Скоро за ними показался изверженный пошъ Семіонъ, возимый раскольниками по станицамъ: онъ, подписавшихся жителей, совершенно отторгнувъ въ расколъ. О чемъ въ народѣ поютъ пѣснь:

«Какъ ты, батюшка, славный тихій Донъ,
Славный тихій Донъ, ты Ивановичъ,
Какъ бывало ты все быстеръ бѣжишь,
Быстеръ бѣжишь, все чистехонекъ,
А нынѣ ты все мутенъ течешь,
Помутился ты, батюшка, сверху до низу,
Какъ и Богъ-то судья на Медвѣдицу —
Она стала рвать горы крутыя,
Какъ желты пески иловатыя,
Помутила насъ славный тихій Донъ,
Казаки — други, перепужались,

Отъ Божьихъ церквей отступалися,
Во двойной окладъ записалися.»

Главный противникъ раскола былъ у насъ старикъ Никифоръ Ермолаевичъ Котельниковъ. Онъ хотя, за неизмѣнимъ въ церкви священника, и былъ у распопа Семіона на исповѣди, но скоро, извѣдавши его обманъ, сдѣлался крѣпкимъ защитникомъ святаго Церкви. Онъ читывалъ на улицахъ старикамъ и старухамъ книгу О вѣрѣ, также Розыскъ и Пращицу, толковалъ, что ересь раскольническая проклята; по сему его старанію, а по смерти его, послѣдователей его, нынѣ остается въ расколѣ очень малое число.

Что раскольники дѣлывали, и нынѣ производятъ даже смѣшного по своимъ различнымъ толкамъ, о томъ не подлежитъ матерія.

7.

Сосѣдственныя непріатели.

Сосѣдственныя непріатели были: съ низу Дона — Турки, жившіе въ Азовѣ и Таганрогѣ, съ правой стороны Дона — Крымскіе Татары, съ лѣвой стороны Дона — Нагайскіе ¹⁶ Татары и Черкесы, противу которыхъ почти въ каждое лѣто по опасной (предварительной) грамотѣ были поголовные походы на Тузловъ, подѣ Азовъ и Таганрогъ, до покоренія ихъ, потомъ до Сауръ Могилы и Молочныхъ Водъ, до 1775 года, въ которой покорена вся Крымская область подѣ Россійскую Державу, также и до Кубани, до заведенія Кавказской Линіи. Равномѣрно и Калмыки, перешедшіе изъ за Волги и кочевавшіе по самый Донъ, набѣгами своими великое наводили безпокойство и вредъ.

Полевая и сѣнокосная работы отправлялись всею станицею въ однихъ мѣстахъ и въ одно время, при воинскомъ оружіи, подѣ прикрытіемъ днещныхъ разѣздовъ, потому что Татары и Калмыки нечаянно нападали, грабили и убивали. ¹⁷ Во время важной опасности посылаемы бывали изъ станицы старики съ знаменами

¹⁶ По Крымскимъ и Нагайскимъ Татарамъ называются стороны Дона: одна Крымскою, а другая Нагайскою стороною.

¹⁷ Сіе-то воспоминаніе жителей нашихъ заставляеть говорить, что юртъ свой служилъ пролитію въ немъ кровію.

по полямъ и покосамъ. Тогда жнецы и косцы обоего пола, увидѣвши знамя, бросали работу, сбѣгались въ городокъ, въ осаду, на островъ, а потомъ въ сдѣланную вокругъ церкви изъ деревяннаго тына, на подобіе острога, въ которомъ по угламъ стояли пушки.

Съ Задонской стороны Черкесы и Татары прихаживали нѣсколько разъ на Донъ. Они брали Быстрианскую станицу; а когда брали Кумшацкую, тогда стояли лагеремъ надъ Дономъ, при рубежѣ нашемъ съ Нагавскою станицею, въ намѣреніи разорить сіи станицы, но попавшійся къ нимъ въ плѣнъ Нагавской Казакъ, Филиппъ Сорокинъ, сказалъ имъ, что въ сихъ городкахъ стоятъ Москали, т. е., регулярныя войска, доказательствомъ чего служили ему огни, видѣнные въ ночи на баркахъ, плывшихъ по Дону и недалеко отъ станицы Нагавской остановившихся на ночлегъ. Онъ направилъ ихъ на Цымлянскую станицу, сказывая, что она, де, есть богатѣе всѣхъ прочихъ. Но тамъ была, въ самомъ дѣлѣ, проходящая рота войскъ регулярныхъ; почему, не осмѣлясь напасть на нее, напали на Кумшацкую и разорили около 1735 г. А въ 1769 году, Іюля въ первыхъ числахъ, проходилъ на Донъ горской Князекъ Цукуръ, напалъ на Романовскую станицу, разграбилъ, и ясырь, т. е., плѣнъ; попавшійся ему обоего пола, увелъ съ собою.

Въ такія времена станица, не почитая городокъ свой безопаснымъ, поднимала изъ церкви св. образа, удаляла женъ, дѣтей и стариковъ, на островъ, называемый Черленою лукою, а оттолъ на островъ Большой луки, что на Зимовейскомъ рубежѣ, гдѣ пожитки зарывали въ землѣ; тамъ по островамъ со святынею отправляли днещные крестные ходы и молебствія, а Казаки продолжали для защиты городка таковыя жъ развѣзды.

Во время Романовскаго разоренія, старуха, прозываемая Гожа, жена старика Пядуха, что при Петрѣ I убилъ утку, гласно проповѣдала всему народу, что опасность миновалась, что, де, непріятель, взяши Романовскую станицу, удалился. На повѣрку вышло, что она говорила сіе въ тотъ самый день, какъ была взята Романовская станица, которая состоитъ отъ насъ во ста верстахъ.

Калмыки, переплывая на лошадяхъ чрезъ Донъ, много грабили и людей убивали; старики учили молодыхъ предосторожности.

Около 1730 года, Василій Топилинъ съ сыномъ Исаемъ (что былъ закащикомъ послѣ Морковкина) и ватагою, ловилъ рыбу въ Оксенцѣ. На ночь, сваривши ужины, совѣтывалъ сыну для ночлега удалиться отъ огня, сынъ съ прочими черелегиди мечевать въ близости въ талахъ. Опытный отецъ, не сказавшись имъ, засѣлъ въ ближнемъ кусту на стражу. Калмыки, приѣхавшіе на огонь съ той стороны Оксенца, отправили одного вплавь: сей переплывши, и не видя людей, сѣлъ возлѣ огня грѣться, коего Топилень, застрѣливши, оттащилъ въ кустъ и лошадь его тамъ привязалъ. Команда Калмыкъ отъ сего удалилась, а онъ, поразбудивши свою ватагу, рассказывалъ случившееся, какъ будто все то видѣлъ во снѣ, и доказалъ сонъ свой точнымъ событіемъ, показавши застрѣленнаго Калмыка и оставшуюся лошадь, отъ чего всѣ, убоясь дальняго нападенія, той же ночи, прибѣжали въ городокъ.

На Манычѣ за солью выѣзжали со всѣхъ станицъ въ срочное время; по войсковой грамотѣ, собравшись станицы три, или больше, выбираютъ себѣ ватажнаго атамана, и когда жилъ единовременникъ и товарищъ Исаю Топилину, старикъ Филимонъ Киревичъ, больше правили его. Будучи всѣ въ оружіи, имѣютъ впереди, сзади и по сторонамъ открывные отряды, что дѣлалось до 1775 года, потомъ хотя выѣзжали по такой же войсковой грамотѣ, или повѣсткѣ, но безъ дальней опасности, а 1789 года приказано ѣздить за солью, кому когда способно, безъ повѣстки.

Старикъ Филимонъ Киревичъ, оставаясь дома, всегда сказывалъ, пришедши въ станичную избу, что только случалось съ тѣми, кои пошли на Манычъ: нападеніе ли было, у нашихъ ли что отнято, или противные побѣждены. Прибывшіе съ Манычи подтверждали таковыя событія въ тѣ дни, въ кои онъ, покойникъ, здѣсь рассказывалъ. Онъ, будучи однажды припрошенный отъ пяти станицъ ватажнымъ аманомъ, возвращался съ солью и былъ уже не далеко отъ Сала на гребнѣ. Подана вѣсть отъ арьергарда, что Татары ихъ догоняютъ. Филимонъ Киревичъ приказалъ сдѣлать изъ повозокъ осаду (укрѣпленіе). Лошадей поставили въ средину и повязали; неприятель, до тысячи человекъ, атаквалъ ихъ; наши были въ числѣ до ста человекъ. Изъ подъ повозокъ били ихъ изъ пицалей. Неприятель сколько ни нападалъ ударами, стрѣлкою; изъ ружей и пушекъ, но никакого вреда не сдѣлалъ, и, видя большой уронъ людей своихъ, отступилъ

назадъ въ гребень. Филимонъ Киревичъ, помогаясь Богу, поставилъ кругомъ, обоявъ вѣи, приказалъ запрячь лошадей и уѣхалъ по дорогѣ, всѣмъ обозомъ къ Салу, гдѣ приказалъ надрать лошадей, скорѣй запрягать и ѣхать далѣе, поставивши и вокругъ сего становища вѣи; по удаленіи видѣли съ другаго гребня, какъ Татары нападали на то мѣсто, гдѣ поставлены вѣи, а потомъ и на другое, но въ слѣдъ болѣе не погнались. И такъ съ Филимономъ Киревичемъ на Манычъ ходить не опасалось. Онъ, будучи на охотѣ для битья звѣря, на Аксаѣ, въ Черняхъ, принявшихъ сіе прозваніе отъ большихъ и густыхъ лѣсовъ, тамъ бывшихъ, видитъ нападеніе Калмыкъ, коихъ было до сотни, а онъ только самъ шестой. Приказалъ повязать лошадей и стрѣлять въ Калмыкъ; сказываютъ: ни одна пуля мимо не пошла; клали ихъ такъ, что они принуждены были удалиться, не сдѣлавши имъ ни какого вреда. Онъ, стрѣляя въ нихъ, приговаривалъ: «А а, не ѣзди, парень, близко — зашибу», и, выстрѣлявши, всякаго зашибалъ въ лобъ до смерти. Случилось съ нимъ, когда онъ ѣхалъ съ пасынкомъ, еще неслуживымъ, и двумя падчерицами, еще моложе, съ поля, напали на него шесть человекъ Калмыкъ на бугрѣ, называемомъ Осинники, отъ станицы въ трехъ верстахъ съ половиною; онъ успѣлъ до нападенія выпрячь лошадь и привязать къ вязу. Падчерицу поставилъ за вязомъ, самъ сталъ предъ вязомъ, пасынка съ его пищалью поставилъ за собою; приказавши: «А, а ты, Захарка, не стрѣлай!» Калмыки пустили въ старика шесть стрѣлъ: пять упали передъ нимъ, а шестая въ вязъ. Но онъ одного застрѣлилъ и, отдавая Захаркѣ свою пищаль, говоритъ: «А, а, Захарка, заряжай, не торопись, пули не закати впередъ!» и взявши его заряженную: «А — не ѣзди, парень, близко — зашибу!» зашибъ и другаго, а потомъ, перемѣнивъ пищаль — и третьяго. Калмыки, сколько ни пускали стрѣлъ, но они падали, не долетая; остальные трое, собравши лошадей отъ убитыхъ, хотѣли бѣжать, но онъ убилъ четвертаго, двое бросили лошадей, пустились въ Запорную луку; онъ, не скидая съ своей лошади хомута, пустился за ними, и, увидя что они плывутъ за Донъ, на половинѣ рѣки стрѣлялъ, и зашибъ пятаго, а послѣднему кричалъ такъ: «А а, поѣзжай, парень, скажи тамъ, чтобъ еще добываться прѣзжали!» Прибывъ въ станицу, сказалъ: «А, а, пошлите у Осинниковъ собрать лошадей, да въ Запорной

одна выплыла, всё осёдланныя; напали было, собаки, хотѣли было вовсе меня убить! Лошади и группы были найдены. Онъ умеръ прежде Исая Васильевича, умершаго около 1775 года,

Въ тогдашнія времена были частые сполохи (смятенія отъ непріятели и отъ нападенія Калмыцкихъ разбоевъ). Когда былъ Войсковымъ Атаманомъ Данило Ефремовичъ, случилось у нашихъ происшествіе: плывшія по Дону казенныя барки остановились при рубежѣ Нагавскомъ, подъ горами Нагайской стороны. Калмыки ихъ пограбили, дано знать въ нашъ городокъ; станица подала извѣстіе въ городки Нагавской и Зимовейской на сполохъ для погони. Не дожидаясь ихъ, сама станица погнала по слѣдамъ грабителей, и на балкѣ Сибирючной, впадающей въ Аксай, нашли на самомъ слѣду стоящихъ Татаръ, но Татары были Крымскіе, ходившіе въ Астрахань къ родственникамъ по пашпорту. Сихъ Татаръ и съ ними трехъ Татарокъ, сочтя грабителями, перекололи и забрали лошадей ихъ, арбы съ имуществомъ и оружіемъ. Одинъ изъ нихъ спасшійся явился къ войсковому Атаману и своему правительству и обо всемъ рассказалъ; Татары требовали отмщенія кровь за кровь; почему станицы нашей лучшіе люди: частоупоминаемый закащикъ Исая Васильевичъ Топилинъ, Илья Осиповичъ, Лукьянъ Петровичъ Быкадоровъ, Иванъ Ивановичъ, Троилинъ, Иванъ Фроловъ, Максимъ Чебаковъ, и всѣ съ ними бывшіе, закованы были въ желѣзо и колодки и отправлены въ Черкасскъ. Войсковой Атаманъ жалѣлъ, что лишается такихъ людей, которые по войску храбростію извѣстны. Однако, по непризнанію ихъ и оправданію, приносимому, по обстоятельствамъ, были освобождены.

Около того жъ времени убили Калмыки Осипа Григорьевича Бѣляевскаго, въ урочищѣ Грачахъ, Пашку скололи въ Малой лукѣ, въ плѣнъ поймали Афанасья Ильича Землянухина, коего приваживали на яръ противъ станицы и сѣкали плѣтми, требуя чрезъ Донъ изъ станицы хлѣба, который имъ и вывозимъ былъ. Также по нѣсколько мѣсяцовъ были въ плѣну у нихъ: Максимъ Веденинъ, Игнатъ Михайловичъ, Нефедъ Исанчъ, сынъ Исая Васильевича, отецъ нынѣшняго Есаула Григорія Нефедова, а послѣдній 1772 года Лазарь Рамадинъ. Они были ловлены на охотѣ и рыболовствѣ, ихъ сажали на ночь въ бурдюги (кожаные мѣшки), завязавъ около шем; они выдаваемы были на размыну за пойманныхъ здѣсь Калмыкъ.

8.

Царскіе слуги.

До 1775 года былъ такой обрядъ: по выступленіи Казаковъ въ походъ, при составленіи полка, полковой командиръ назначался отъ Войсковаго Атамана, а Есаулы, Сотники и Хорунжіе выбирались въ полковомъ кругу голосами изъ тѣхъ знатныхъ людей, кои храбростію противъ непріятеля были извѣстны; по приходѣ же изъ службы домой считались наравнѣ съ прочими Казаками. А отличные наѣздники славились по полкамъ подъ именемъ «Царскихъ слугъ,» кои и полковыми старшинами быть не соглашались; они имѣли крыльщиковъ своихъ изъ охотниковъ. На сраженіяхъ всегда отдѣлялись на крыло и выѣзжали на перепалки.

Въ памяти у нашихъ стариковъ первый Захаръ Петровичъ Морковкинъ, дѣдъ недавно умершему Сотнику, Исаю Герасимову. Когда Петръ Великій блокировалъ Таганрогъ и во взятіи его нашелъ препятствіе, извѣстился, что Стецька Разинъ мимоходомъ разорялъ его трижды. Потребовалъ найти изъ Донскаго Войска такого Казака, который наиболѣе съ Разинымъ бывалъ въ походахъ. Такой Казакъ оказался Морковкинъ. Онъ испугался, что ведутъ его къ Царю, ибо полагалъ для казни. Государь въ шатрѣ занимался игрою въ шахматы и, примѣтивши Казака въ смятеніи, приказалъ дать ему колпакъ водки, потомъ другой и третій. А когда увидѣлъ его въ смѣломъ духѣ, сталъ разспрашивать о походахъ и дѣствіяхъ Стецьки Разина. Морковкинъ разсказалъ ему, какъ самовидецъ и участникъ, обо всемъ подробно, какъ и о взятіи Таганрога. Государь пожадовалъ его Донскимъ Полковникомъ (войсковымъ старшиною) и возложилъ ему на шею золотую медаль, сказавши: «Жалко, что не успѣли тогда изъ Степана Разина сдѣлать великую Государству пользу, и жалко, что онъ не въ мое время.»

Въ Прусскую войну былъ Царскій слуга Ефимъ Ермолаевичъ Котельниковъ, родной дядя нынѣшній Есаульямъ, Ивану и Евлампію Котельниковымъ. Онъ, по желанію Фельдмаршала, выѣзжалъ и поскакалъ, въ виду его, съ своими крыльщиками прямо въ Прусскую армію, поймалъ разѣзжавшаго предъ оною Гене-

рала и доставилъ къ Фельдмаршалу, который жаловалъ его чиномъ Донскаго Полковника, но онъ со слезами отказался, и на послѣднемъ сраженіи Пруссаками убитъ. Царскій слуга Иванъ Самойловичъ Текучевъ на сраженіи поймалъ Генерала же и доставилъ къ Фельдмаршалу, но и сей отъ чиновъ отказался.

Тамъ же Сафромъ Самойловичъ Текучевъ и Зиновій Михайловичъ, довольно показавшіе услугъ, такъ же были награждены чинами, но они за лучшее почили остаться съ именемъ Царскихъ слугъ — Казаками.

Въ Турецкую войну Мойсѣй Васильевичъ Евтеревъ, будучи товарищемъ послѣ бывшему Графу Федору Петровичу, Генералу отъ кавалеріи, Денисову, и Василій Ильичъ Землянухинъ, чиновъ за свои заслуги не приняли, и вышли въ отставку Казаками.

Таковые храбрые люди, предрасудокъ ли имѣли, что будто принявши чины, потеряютъ Казацкую славу Царскихъ слугъ, или смиренномудріе не превозноситъ себя тщеславіемъ, причитая успѣхи своей храбрости единому Богу, старики согласно подтверждаютъ и первое и послѣднее.

9.

О д ѣ ж д а .

Одежда у Казаковъ сначала была Русская; слѣдующая Казачья пѣсня, воята изъ Курганова: Письмовника, описываетъ ее подробно:

«Внизъ по катушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,
Какъ плывутъ тамъ, выплываютъ два снаряженные стружка;
Они котьями-знаменны будто лѣсомъ поросли.
На стружкахъ сидятъ гребцы, удалые молодцы,
Удалые молодцы, все Донскіе Казаки,
Донскіе, Гребенскіе, Запорожскіе,
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
Пестрядиныя рубашки, съ золотымъ галуномъ,
Астраханскіи кушаки полушелковые,
Съ зачосами чулочки, да всѣ гарусныя,
Зеленъ сафьянъ сапожки, кривые каблуки.

Они грядуть и гребуть, сами пѣсенки поють.
 Они хвалятъ, величаютъ Православна Царя,
 Православна Царя, Императора Петра,
 А клянуть-то и бранять зла боярина:
 «Зайдаеть воръ-собака наше жалованье;
 Кормовое, годовое, наше денежное,
 Да еще же не пускаеть насъ по Волгѣ гулять,
 Насъ по Волгѣ погулять, вздунаная поспѣвать.»

Носили и такую одежду, какая попадалась имъ на добычѣ отъ Азіатскихъ народовъ. Когда обзавелись овцами, одѣвались въ собственное платье, вытканное хозяйками: сѣрой, или черной, а въ праздники бѣлой чекмень, Изъ Прусской и Турецкой войны вынесли хорошаго сукна чекмени и шелковые кафтаны. Покрой сдѣлался Польской: Черкески съ прометами въ рукавахъ, кои закидываются на спину. Потомъ чекменки, пола съ полою не сходящіяся. Шапки съ курпачетымъ околышемъ и суконнымъ шлыккомъ, на кожаной подкладкѣ, складывались вчетверо; на околышѣ внизу и вверху кругомъ, а на шлыкѣ по складкамъ накрестъ, притугами клались позументы. Обувь, когда было довольно лѣса, была лапти, потомъ поршни и сапоги.

Женское платье: сарафаны на покрой Азіатской. Они тѣ же, что нынѣшніе кубелеки, только суконные короткіе, безъ подкладки. Желтять серпиемъ и дрокомъ, красять мареною, синять подсолнухами, и зеленять. Кубелеки стали употреблять и покупные, крашеинные. еще бумажныхъ и шелковыхъ матерій, также и шубы на Азіатской покрой. Пояса изъ матерій, также серебряные татаурм (пояса или джаша обручи). На рукахъ белезники (также обручки).

Головной уборъ дѣвицъ была перевязка, т. е., шапка, шитая объ головномъ черепѣ. Она усажена мѣдными вызолоченными япраками и морьянами и вокругъ рогатенькими серебряными висюлками. Отъ затылка вмѣстѣ съ косою висять на теснѣ два мотка съ колокольчиками; въ носѣ, вмѣсто денгъ, — лопасники.

Головной уборъ женщинъ: кичка съ высокими рогами, на нее надѣвается сорочка, также высаженная япраками, противъ лба кругъ, называемый прямокъ, вокругъ лба до ушей рогатенькія

висюлки, съ тылу подзатыльникъ, вышитый золотомъ, или серебромъ, наподобіе потронуничной доски, къ ней прицѣплены сплошныя нитки, унизанныя разноцвѣтнымъ бисеромъ съ серебряными копѣйками на концахъ, они лежатъ на спине. На вискахъ висятъ такія жъ нитки, называемыя чекидеки. Кичка накрывается сырцовымъ сальникомъ (бѣлымъ изъ сыраго щелка флеромъ): онъ виситъ, съ рога, ниже пояса.

Кафтанъ (кубелекъ) по колѣни, ноги прикрываетъ рубаха. У кубелека на грудяхъ изъ металла застегальныя и висячія пуговицы, рукава короткіе, изъ подъ коихъ висятъ рубашныя широкіе рукава.

На шеѣ ожерельникъ, шириною въ вершокъ, съ морьянами кругомъ, а середина усажена серебряною монетою. Послѣ употребляли, вмѣсто жерелка, поджерельникъ. Онъ привязывался подъ горло и лежалъ къ грудямъ. Монисты бывали версточныя, жуковичныя и напоследокъ дѣлывали, какъ и поджерельникъ, изъ монетъ.

На ногахъ сапоги красноголовки, подъ пятою желѣзныя подковы, въ вершокъ вышины.

Сая (кафтанъ, кубелекъ) была длинная по пятки, ее употребляли подъ вѣнецъ брачнымъ. Когда у Троилиныхъ завелся мужескій красный чекмень, а у Цѣлиныхъ сая, то даже до 1774 года въ сей станицѣ брачныя въ ней вѣнчались.

Послѣ вѣнчанья, не выводя молодыхъ изъ церкви, скидаютъ съ новобрачной перевязку, расплетаютъ косу надвое, по Калмыцки, завязываютъ ихъ на голову и налагаютъ кичку. На кичку кладутъ сальникъ, подъ которымъ, съ завѣшеннымъ лицомъ, ведутъ ее, вмѣстѣ съ новобрачнымъ, въ домъ. Великій былъ бы грѣхъ вѣнчать безъ перевязки и кички; они употреблялись до 1785 года, потомъ повойники — до 1800 года, а съ того времени донинѣ—колпаки, а болѣе одни платки.

Народъ нашъ такъ привыкъ къ Русскому головному убору, къ Азіятскому женскому и къ Польскому платью, что, когда побросали кички, а 1786 года начали показываться въ курткахъ, то старики, а особливо старухи, впали въ уныніе и большая часть заключала событіе кончины свѣта. Другіе говорили, что такіе

куцефаны потеряютъ Донскую славу, добровольно отдають себя въ солдаты. Также ожидали преставленіе свѣта, когда женское дворянское платье показалось, на которое сбѣгались смотрѣть, какъ на нѣкое чудесное страшилище; каковыя смятенія выходили непремѣнно отъ толковъ раскольническихъ.

10.

Хлѣбопашество, скотоводство, хутора и мельницы.

Первое хлѣбопашество было на Крымской сторонѣ, въ пескахъ, гдѣ теперь Чепурій хуторъ. Потомъ за Долгими, около стараго почтоваго тракта, а по малости земли, 1755 года, зачали пахать на дальнемъ полѣ, на Лазномъ, гдѣ теперь Лазновская почта, отъ станицы въ 30 верстахъ. Тамъ помѣщались пять станицъ: Бсауловская, Потемкинская, наша, Нагавская и Нижняя Курмоярская. Теперь нашихъ осталось тамъ сто семей, ибо, когда, за размноженіемъ людей, стало быть тамъ тѣсно, то, 1776 г., испросивъ позволеніе отъ войска, зачали пахать на Нагайской сторонѣ по надѣ займищемъ и по Аксаю, съ претерпѣніемъ Калмыцкихъ нападений и разбоевъ, а нынѣ пашутъ, кому гдѣ способно. На Крымской сторонѣ песочные кучугуры, а на Нагайской солонцовая земля препятствуютъ быть хорошему хлѣбородію, чего ради поля наши разбросаны по пространству степи, отъ Дону до Салу, на 70 верстѣ, по поточинамъ балокъ, что стоятъ особливыхъ трудовъ по хозяйству.

Напротивъ, сіи Задонскія или Нагайскія пространныя мѣста способны для скотоводства, отъ него станица наша довольно поисправилась. Теперь считается на правой сторонѣ въ пескахъ и на лѣвой надѣ Дономъ, по Аксаю и Салу, до 25 общественныхъ Казачьихъ хуторовъ, расселившихся, единственно, для хлѣбопашества. И по всемъ тѣмъ мѣстамъ находится семь прудовыхъ мельницъ, принадлежащихъ нашимъ жителямъ.

11.

Лѣса и луга.

Во всемъ юрту по надѣ Дономъ и Аксенцемъ, въ Долгихъ, по пескамъ и по Аксаю до верховъ, видны были важныя и во мно-

гихъ мѣстахъ непроходимые лѣса. Въ займищѣ и на Аксаю тополя, вербы, вязы, иланчи, осокори и талы, въ пескахъ: осины, березы и сивил талы, яблони, груши, тернъ и калина. А какъ изъ за Волги перекочевали Калмыки и начали зимовать въ дѣсахъ на Аксаѣ и при Донѣ, то всѣ, состоящія за Домомъ, лѣса истребили огнемъ и скотомъ въ большія жестокия зимы. Съ правой стороны уменьшался лѣсъ рубкою для выстройки домовъ, послѣ неоднократныхъ пожаровъ и переселокъ, и для строенія базоваго, послѣ разнесенія полыми водами; и такъ время отъ времени юртъ нашъ преобразовывался въ опустошенный видъ.

1762 года станица наша на какую-то нужду заняла у Зимовейскаго Казака, Крылова, сто рублей, потому что во всей станицѣ набрать такой суммы было не возможно. За что позволила ему поселиться хуторомъ въ нашей Долгинской лѣсной крѣпкѣ,¹⁸ и довольствоваться до заплаты, которая сдѣлана по исправкѣ 1771 года; почему та крѣпъ и до нынѣ называется Крыловою.

До 1770 года заповѣднаго лѣса по всему юрту не было, но прописанные случаи, причинявшіе тѣмъ великое юрту нашему опустошеніе, были причиною заповѣдать лѣсъ, и за рубку онаго, до 1795 года, штрафовали виновныхъ напоемъ. Въ семь году положено не пускать въ лѣсъ, особливо въ молодѣльники, лошадей и скотъ, къ зимѣ готовить на дрова чернобыль, а по хуторамъ кизеки, и за упущеніе штрафы стали братья деньгами въ общую экономію. Отъ чего лѣсъ сталъ умножаться такъ, что и каменную церковь выстроили, употребляя рѣштовку и дрова изъ собственнаго лѣса неущутительно, а на домовое строеніе покупается Волженскій сосновый.

Какъ сказано, что хутора разделялись болѣе для хлѣбопашества, то, для размѣжииванія на двустороннихъ стенахъ скота, хуторяне косятъ сѣно въ юртовомъ займищѣ, ибо на Аксаѣ и Салу накашивается мало.

11

¹⁸ Непроходимые лѣса на тваняхъ названы крѣпками, потому что предки наши хоранивались въ нихъ отъ Татаръ и Калмыкъ, отъ нападенія коихъ служили имъ таковыя лѣса надежными укрѣпленіями.

12.

Дикий скотъ, звѣрь, птица и рыба.

1795 года, на рыболовствѣ илимомъ¹⁹ вытащены два рога, одинъ въ устьѣ Аксая, наподобіе воловаго, длиною больше пяти четвертей, толщиною у кореня, по обмѣру ниткою, семи вершковъ, и то одна только кость, на которой рогъ бываетъ; другой въ Дону у Краснаго яра, съ небольшою частью головной кости, у корня облой, а вверхъ доскою, длины болѣе четвертей²⁰ При семъ прочіе старики припомнили, что здѣсь, до прихода Калмыкъ, были: туры, олени свиньи, бобры, порѣчныя (выдры) и горностаи. Мы помнимъ дикихъ козъ, харсѣвъ и пергузней. Теперь въ юрту остались только одни волки и зайцы, а лисицы и хорсуки — въ степи при дальнихъ хуторахъ. Сайгаковъ много, но не такъ, какъ прежде; они прикочевывали на весну съ Кумы и тамошнихъ округовъ большими гирями, такъ что закрывали всѣ степи по рѣкамъ: Салу, Сарпѣ, Аксаямъ, Мишковой и Царицѣ. Ихъ стрѣляли и рѣзали на плаву, при переправахъ ихъ черезъ рѣчки, сколько кому угодно. Отъ большихъ и жестокихъ зимъ: 1787, 1788, 1790, 1798 и 1799 годовъ осталось весьма мало, но нынѣ паки стали являться въ большомъ числѣ. Лошади дикія или тарпаны и теперь еще есть на степяхъ между Быстрою и Цымлою, гдѣ нашъ станичный табунъ ходитъ, но мало, а прежде столько ихъ было, что тарпаны жеребцы, отбивали къ себѣ изъ нашего табуна кобылъ косяками, которыхъ, безъ великихъ трудовъ возвратитъ было не можно. Лавливали забѣглыхъ жеребцовъ въ наши табуны, но бывъ весьма дики, скоро на привязи издыхали. Молодыхъ приучивали, но къ употребленію хуже худшей лошади.

Птицы также теперь мало, а до 1760 года, кромѣ ворона и сокола, водилось всякаго рода, особливо лебеди на Русинскомъ

19 Илими (ловушка, приволочка, неводъ), слово сложное, изъ имени и глагола и м а ю. Когда рыбу имъ ловятъ, то онъ иду занимаетъ много.

20 Въ этомъ мѣстѣ въ рукописи вырвана часть листа съ нѣсколькими строками письма.

озерѣ. Утокъ, бывало, ловятъ сѣтьми, сколько угодно; изъ ружей бьютъ не много.

Рыба не только красная, но и бѣлая, въ великомъ множествѣ, такъ что довольствуются ею, при особливомъ времени, старики, а прочіе жители изрѣдка. Осет.²² поймать стало почитаться за рѣдкость.²³

²² См. предыдущее примѣчаніе.

²³ Перепечатано изъ «Донскихъ Войсковыхъ Вѣдомостей, 1860 года» NN 12—16.